
В поисках Эдема

[Леонид ЧИГРИН \(Таджикистан\)](#) - 18 мая 2017

Body

Когда в 1899 году русский религиозный мыслитель-утопист Николай Фёдорович Фёдоров отправился в путешествие на Памир, его не сопровождал караван со спутниками и всем необходимым снаряжением, он поехал, как говорится, налегке, взяв с собой лишь своего ученика Сергея Петерсона. То исследование, которое Фёдоров намеревался провести на «Крыше мира», не требовало ни точных приборов, ни значительных затрат. Ему исполнилось уже семьдесят лет, но он не боялся трудностей дальнего пути. Он был сухощав, энергичен и подвижен, а та идея, которая побудила его исследовать Памир, была столь возвышенной и важной для человечества, что наполняла душу энтузиазмом молодости

В те годы в Петербурге сложился довольно обширный круг религиозных мыслителей-утопистов, которые углубленно изучали Библию и ставили целью подкрепить практическими изысканиями её основные положения. Так философы Фёдоров, Ленорман, Асташков и другие полагали, что земной рай или Ирам, по восточному Рай, находился именно на Памире. Прежние утверждения, что Рай, где были сотворены Адам и Ева, и где они подверглись искушению Сатаной в виде Змея, располагался в Междуречье, между библейскими реками Тигром и Евфратом. Николай Фёдоров побывал в тех местах и убедился в несостоятельности этих домыслов. Территории прежних Ассирии и Вавилона были безжизненными, до крепости камня прокалёнными солнцем пространствами, там не росла даже верблюжья колючка. От прежних мощных государств остались лишь глиняные возвышения. Даже опытные гиды, водившие туристов по этим местам, не могли точно указать на тот холм, где некогда располагался дворец царя Навуходоносора с висячими садами Семирамиды, одними из семи чудес света. Предположим, что за минувшие тысячелетия в Междуречье изменился климат, безжалостный зной испепелил прежнее райское изобилие, но хоть что-то должно же было остаться. При археологических раскопках могли бы обнаружить остатки древесной растительности, пыльцу цветов, кости редких животных, обитавших в Эдеме. Но не было найдено ничего подобного, полное бесплодие и скудость мёртвых пространств. Одно из древних преданий не нашло своего подтверждения.

Но тогда где же располагался Эдем?

Ответить на этот вопрос помогли данные последних изысканий геологов, ботаников и биологов, проведённых на Памире. Было установлено, что горы «Крыши мира» в те давние библейские времена, не были столь высокими, и там располагалась обширная низина. При раскопках были найдены зубы акул, раковины, на окаменевших глиняных плитах сохранились отпечатки лап динозавров. Прибавились сюда и кости ныне вымерших животных, цветочная пыльца и остатки пышной растительности. Выводы учёных были непреложными: многие тысячелетия назад на Памире простиралось море Тетис, климат был тёплым, тропическим, а изобилие флоры и фауны впечатлило даже видавших виды исследователей.

Эти сообщения не оставили равнодушными петербургских религиозных мыслителей-утопистов. Им стало ясно, что библейский Эдем располагался именно на Памире. Николай Фёдоров в своих статьях называл Памир тем местом, где зародилось человечество, образно говоря, был его колыбелью. По определению Фёдорова, «Крыша мира» являлась одним из священных центров на Земле, мировым Кремлём, значимым для современного мира и требующим всестороннего изучения.

Рассуждения Николая Фёдорова шли дальше. Адам и Ева после грехопадения были изгнаны из рая. Но далеко уйти они не могли, теперь они были поставлены на грань выживания. Требовалось изготавливать для себя одежду, находить пропитание, построить жилище, в котором могли бы укрываться от хищных зверей. Благодатный климат Памира предоставлял им такие возможности. Следовательно, они прожили там до конца своих дней, а раз так, стало быть, можно отыскать место последнего успокоения Праотца человечества. У Адама и Евы было многочисленное потомство, и, конечно же, они погребли своего предка достойно, и могилу его, по всей вероятности, будет несложно отыскать.

Ныне такие рассуждения кажутся наивными, но не следует забывать, что петербургские мыслители-утописты были глубоко религиозными людьми и библейские тексты воспринимались ими как истины в последней инстанции, и не подлежали никакому скептическому толкованию.

Станным кажется то, что Николай Фёдоров нигде в своих трудах не упоминает о Еве, а ведь она тоже была значимой библейской личностью и супругой Праотца человечества. А раз так, то, наверняка, была похоронена рядом с ним и тоже заслуживала внимания

религиозных философов. Но почему-то этого не произошло.

Всякая истина требует доведения до абсолюта. Николай Фёдоров полагал, что и библейский праведник Ной, спасшийся вместе с семьёй и многочисленными животными на построенном по велению Господа ковчеге во время всемирного потопы, тоже не миновал Памира. Его ковчег прибил к одной из горных возвышенностей «Крыши мира» и, тем самым, спасся от затопления. Существовало другое утверждение, что Ной причалил к горе Арарат, но это казалось мыслителям-утопистам неверным. Какими бы сильными ни были ливни, шедшие сорок дней и ночей и приведшие к всемирному потопу, всё-таки поднять уровень вод выше гималайских и тех же кавказских гор вряд ли они смогли бы. Другое дело, что водные потоки вынесли ковчег Ноя в море Тетис, и уже на Памире он обрёл спасение. В пользу этой версии говорило и то, что на «Крыше мира» царил изобилие редких животных и птиц, которые явно были завезены на ковчеге, в то время как Армения и Турция таким разнообразием флоры и фауны не отличались. Из этого следовало, что и могила Ноя тоже могла находиться где-нибудь на Памире. Николай Фёдоров полагал также, что следовало отыскать места погребения и других библейских святых и праведников, таких как апостолы Пётр и Павел, евангелисты Иоанн, Матфей, Марк и Лука, Дева Мария, Мария Магдалина и другие. Поскольку они были боговдохновенными людьми, то тела их вряд ли подверглись разложению, а значит, достижения современной медицины могут обеспечить их воскрешение. Этот «проект» Николай Фёдоров назвал всеобщим возвратом к жизни Отцов и Матерей и преодолением смерти. Свои взгляды по этому поводу он изложил в книге «Философия общего дела». Всеобщее воскрешение святых и праведников было отложено на потом, тем более, что они были погребены не на Памире, а пока нужно было отыскать место захоронения Адама и соорудить над ним небольшой храм. Деньги на это строительство были собраны. Добравшись до Восточной Бухары, так прежде назывались южная и центральные части нынешнего Таджикистана, Николай Фёдоров и Сергей Петерсон занялись подготовкой к дальнему странствованию. Купили лошадей, отыскали проводника, наняли пятерых рабочих, запаслись продовольствием и всем необходимым для путешествия по горам. Стояла поздняя осень. Моросили холодные дожди, горы украсились снеговыми шапками, и зима давала о себе знать первыми заморозками. Предстояло дожидаться тёплой поры, а пока Николай Фёдоров не терял зря времени. Побывал в Ходженте, Самарканде и Бухаре, познакомился с тамошними учёными, рассказавшими много интересного о Памире и наметившими русскому философу маршруты предстоявшего путешествия. Фёдоров представился генерал-губернатору, который представлял власть российского императора в Туркестане и получил разрешение на осуществление своей религиозной миссии.

В путь отправились в апреле, когда установилась тёплая, солнечная погода. В горах весна не везде ещё заявила о себе. Дорогу преграждали снежные завалы, отполированными зеркалами блестели ледники, то и дело слышался грохот лавин, срывавшихся со склонов хребтов в ущелья. Но альпийские луга радовали глаза разнотравьем и яркими россыпями цветов, воздух был свеж и напитан пряными ароматами, горные козлы, точно изваяния, высились на скалах, куропатки и улары-индейки перепархивали стаями. Николай Фёдоров любовался этим великолепием природы и окончательно утвердился в мысли, что земной рай, Эдем, и, точно, был на «Крыше мира».

Горцы дружелюбно встречали путешественников, их гостеприимство радовало, они говорили, что гость – подарок Аллаха, и для гостей не жалели ничего, делясь с ними самим лучшим из того, что имели.

Через реки переправлялись на плотах. Это были доски, настеленные на кожаные бурдюки из козьих шкур, надутые воздухом. Реки были бурными, течение стремительным, и не раз казалось, что плоты вот-вот опрокинутся. И тогда всё снаряжение, лошади, да и сами люди окажутся во власти ледяной стихии и множества водоворотов. Но обошлось, и когда стали подниматься на перевалы, Николай Фёдоров вздохнул свободнее.

Две недели пути понадобилось для того, чтобы добраться до Хорога, столицы Горного Бадахшана. Дорог на Памире не было, их заменяли извилистые тропы, по которым лошади

и ослы ступали с опаской, всхрапывая и косясь по сторонам лиловыми глазами. Хорог был небольшим поселением, с низенькими домишками, сложенными из камней и теснившимися по берегам широкого Гунта. Свободной земли не было, выравнивали склоны гор и на террасах складывали жилища, на них же разбивали огороды. Землю набирали у русла реки, привозили её на ослах и рассыпали на месте будущих посадок. Труд был нелёгким и всего лишь на один летний сезон. Зимой и осенью дожди и снежные лавины сводили на нет усилия земледельцев.

В Хороге стоял российский пограничный отряд. Николай Фёдоров познакомился с его начальником, полковником Семёновым, другими офицерами. Цель его путешествия они восприняли с удивлением. «Что-то я не слышал о захоронении тут Адама, - с сомнением проговорил Семёнов. - Но мы люди пришлые. Побеседуйте со стариками, может быть, они подскажут что-либо дельное».

И верно, старожилы этих мест с пониманием отнеслись к рассказам русского путешественника. «Был тут Адам, - согласились они. - Жил, как мы, охотился на козлов и уларов, растил детей, хороший человек был. Где его могила, этого сказать не можем, давно было. Нужно искать. Мы тебе другое покажем».

Николай Фёдоров поехал со стариками на ослах по тесному ущелью. Через день пути остановились у тополиной рощи. Из-под камней выбивался родник и светлой струёй устремлялся в низину.

Старики повели Фёдорова по тропе, взобрались по склону и на его гребне показали глубокий глинистый ров. «Отсюда Всевышний брал глину, из которой слепил первого человека», - сообщили они.

Фёдоров недоверчиво рассматривал ров, но старики уверили его, что это по-настоящему святое место. «Скажешь, большая яма? Конечно, большая. Первый человек получился не сразу. Один раз Господь слепил его, плохо получилось. Ещё раз попробовал, и ещё, так много раз, пока не сделал то, что его устроило. А потом мы брали отсюда глину для строительства домов. Хорошая глина, плотная, прочно скрепляет камни».

Николай Фёдоров набрал сухой глины в полотняный мешочек, после чего двинулись обратно в Хорог.

«Думаю, что именно на Памире был земной рай, - поделился философ соображением со стариками. - Правда, пока ещё мало видел по-настоящему красивых мест. Скалы, камни, редкие тополя, пышная зелень лишь островками». «Ты не ошибся, - уверили его старики, - Ирам был именно здесь. Только много времени прошло. Камнепады, сели, снежные лавины уничтожили прежнее природное богатство. От бывшего рая остались лишь островки. Ты их увидишь».

И верно, когда Николай Фёдоров добрался до лощины, в которой расположилось селение Поршнёв, то восторженно ахнул. Это было действительно райское великолепие.

Изумрудная зелень сверкала искрами под лучами солнца. Густые сады взбирались по склонам лощины, россыпи цветов заполняли поляны, от их аромата кружилась голова. Посреди лощины струился чистейший поток. Вода была настолько прозрачной, что просматривались даже мельчайшие камешки на дне. На вкус она казалась сладковатой и ломала зубы от холода. Редкие жилища горцев вписывались в пейзаж и казались его органичным дополнением. Шум быстрого потока, перекличка птиц, шелест листы от слабого ветерка - всё это сливалось в еле слышную мелодию. Николай Фёдоров подумал, что это ему кажется, но по взволнованному лицу своего ученика Петерсона понял, что тот слышит то же самое и не верит своим ушам. Синева бескрайнего неба дополняла чудесную картину.

«Так было на всём Памире, - довольно пояснили старики, видя восторженное состояние русского путешественника. - Бог создал тут земной рай, жаль, что от него остались лишь малые островки».

Горный Бадахшан казался беспредельным. Вдоль и поперёк его делили на части высочайшие хребты, вершины которых были покрыты вечными снегами, множество ледников таили в себе неисчерпаемые запасы влаги. Озёра голубыми глазами глядели в небо, и Фёдоров подумал, что они, наверное, остались от древнего моря Тетис, которое

отступило под давлением растущих горных массивов. Некоторые содержали соленоватую воду. Он уже побывал в селениях Ванч, Рушан, Рошткала и везде находил островки былого райского великолепия. Воистину, этот край был создан для жизни Первочеловека и его потомков.

Удивляло большое количество диалектов, на которых говорили памирцы. Жители селений, расположенных на разных сторонах ущелья, уже не понимали друг друга. Общались на таджикском языке. Проводник служил переводчиком. Он был узбеком, но знал таджикский язык и худо-бедно говорил по-русски. Так что проблем в общении с горцами не возникало.

Николай Фёдоров окончательно уверился, что, да, Памир в глубокой древности был библейским Эдемом, но многие тысячелетия наложили на него свой отпечаток. Впечатлений было множество, и тетради одна за другой заполнялись путевыми записями. Незаметно для себя религиозный мыслитель превратился в учёного-этнографа. Он описывал обычаи и традиции горцев, особенности их быта, легенды и предания. Особенно интересовали его верования жителей этих мест. Они были сложными. Это был сплав мусульманства, зороастризма и отдельных элементов буддизма. Просматривались и истины христианского учения. В этом не было ничего удивительного. Памир издревле притягивал к себе миссионеров различных религий. Арабы распространяли тут ислам, зороастризм был исконной верой горцев, китайские монахи- буддисты отыскивали ту вершину, на которой Будда предавался медитации. Там якобы остались отпечатки его ступней. Что касается христианской веры, то на Памире существовала в прошлом община монахов-несторианцев, которые тоже распространяли среди горцев своё учение. Николаю Фёдорову показывали руины буддийского монастыря, капище огнепоклонников, жилища христиан-несторианцев и даже пещеры в скальных монолитах, в которых ютились потомки Адама после роста их числа.

Хуже обстояло дело с могилой Праотца человечества. Николаю Фёдорову показывали её во многих местах. Где-то это были курганы из набросанных камней, где-то высокий земляной холм, поросший шиповником и дикой вишней. Привели даже к громадному скальному обломку, который вроде бы обрушился со склона хребта и закрыл собой могилу, чтобы никто не потревожил прах Первочеловека. Все эти захоронения могли быть вероятными, но ни одна не выглядела убедительной и достоверной. Так что намерение возвести над могилой Адама нечто вроде усыпальницы или мавзолея пришлось оставить. Горцы могли быть потомками Прародителя. Не все они были красавцами, но все были сухощавыми, правильного сложения, подвижными и рассудительными. Не было среди них излишне полных людей или со следами вырождения. Казалось, что они были раз и навсегда отформованы руками искусного гончара, положившего начало человечеству. Все держались с достоинством, не было среди них ссор и распрей.

Много интересного увидел и услышал русский мыслитель в Ишкашима, дальней окраине Памира, граничащей с Китаем. Тут было больше самобытности и индивидуальности, поскольку горцы не смешивались с другими народами. В Ишкашима некогда побывали венецианские купцы Маффео и Никколо Поло, вместе с юным Марко, сыном Маффео, тут располагалась некогда стоянка Великого шёлкового пути. От того у жителей этого края было верное представление об устройстве мира, и более ясное понятие о христианстве, полученное от венецианцев.

Подолгу беседовал Николай Фёдоров со старожилом Ишкашима, седебородым Ширинбеком. Ему шёл уже девяностый год, но он не утратил ясности рассудка, был словоохотлив и остроумен, обладал своим понятием происхождения жизни на Земле. «Ты правильно сделал, что приехал в Горный Бадахшан отыскать тут Ирам, земной рай. Именно здесь он располагался. Наши горцы покажут тебе ущелье, в котором райское великолепие сохранилось и поныне.

Спрашиваешь, почему от Ирама осталось столь немногое в настоящее время? Отвечу. В древности тут была равнина с глубоким морем. А потом стали расти горы, море утекало по ущельям, снега залегли на вершинах хребтов, холода погубили и пышную

растительность и многих животных. Отчасти виноваты и люди. Господь создал их по своему виду и подобию, так говорили ваши монахи, а они утратили духовную сущность Создателя. В их душах ростками пробивались корысть и себялюбие, злоба и зависть, страсть к накопительству. Всё это мало вязалось с раем, и тогда Бог перенёс его на небо. Там нет землетрясений, там вечное благополучие, и души праведников не таят в себе порочных склонностей».

Ширинбек помолчал, разглаживая окладистую, седую бороду. Глаза его молодо блестели, речь была внятной и образной.

«Годы оставили на мне свой след, но я не утратил молодость в душе и мыслях, сохранил подвижность. Правда, согнулась спина, но разве это плохо? Чем сильнее натянут лук, тем дальше летит стрела...

Ты ищешь могилу Адама? Ты не найдёшь её. Да, он обрёл успокоение на Памире, но где, неизвестно. Это и хорошо. Он был сыном этого мира, и он принадлежит этому миру, а не какому-то одному месту. Он, как река, которая разливается там, где ей просторно. Адам в сердце каждого человека, и каждый должен хранить его в своей сущности и воздавать почести в душе. Ваш Христос поступил мудро, что вознесся на небо. Он везде, во всех храмах, и нигде конкретно, и потому он дорог и близок всем христианам, где бы они ни находились. Вы все – частицы вашего Христа, и он часть каждого из вас».

Николай Фёдоров и Ширинбек сидели в просторном саду близ каменной хижины старожила. Весеннее цветенье половодьем разлилось по саду, опали лепестки вишен, и ветерок сгонял их в пахучие сугробы у изгороди. Цвели розы, большие, алые, отливавшие синевой. Ширинбек сорвал одну из них и подал Фёдорову. Тот вдохнул её аромат и едва не задохнулся, настолько он был пряным и волнующим. Пчёлы перелетали от цветка к цветку, издали доносился шум реки.

Вечерело, солнце зависло над верхушками пирамидальных тополей. Зубчатый хребет золотился, точно был отлит из драгоценного металла.

«Красиво, верно? – спросил Ширинбек у русского философа, который молча любовался сказочной природой горного края. – Это и есть остаток земного рая. Господь сделал правильно, что забрал ваш Эдем, или наш Ирам, на небо. Мы не должны мечтать о рае, а должны каждый создавать его для себя и своих близких, и тогда достигнем повторения Ирама на земле. Я уже стар, должно быть, скоро Всевышний призовет меня к себе. Когда я встречу с ним, то скажу: Господи, если ты сочтёшь меня праведником и достойным твоей награды, то яви милость. Не надо мне небесного рая, верни меня в Ишкашим. Там я был счастлив, и там достиг райского блаженства. Так и ты, дорогой Николай, не ищи Эдем на Памире, а создавай его в городе, где живёшь постоянно. Создавай добром, которое нужно творить, любовью к людям. Мы, горцы, чтим Адама и его супругу Еву, знаем, что где-то остановился ковчег вашего праведника Ноя, Нуха, по-нашему. Они тоже обрели покой на нашей земле, и тоже хорошо, что не остались их могил. Праведники, как звёзды, они светят всем и будят в душах людей стремление сеять добро и улучшать мир. Это то, что я хотел сказать тебе, наш дорогой гость, да вселит Господь в твою душу покой и желание творить благо. Не знаю только, согласишься ли ты со мной?»

А что касается твоей задумки – воскресить умерших пророков и мудрецов прошлого, то, думаю, вряд ли тебе это удастся. Ну, даже, если ты вернёшь к жизни их тела, но возвернёшь ли величие их разума и благородство свершений? Думаю, вряд ли, и кому тогда нужно будет жалкое повторение тел, без их духовной сущности? И стремление победить смерть тоже мне кажется напрасным. Господь каждому отмерил земной срок и не стоит состязаться в этом с Создателем. Другое дело, обеспечить долголетие, и то не всякое, а наполненное молодостью души и тела. И это мне кажется недостижимым. Ведь, что в природе порождает совершенство? Смена поколений, как я полагаю. Каждое поколение передаёт следующему знания и обретенную мудрость. Замедлится их смена и замедлится развитие общества. Человек должен стремиться к абсолюту, но превзойти в этом Бога ему не удастся.

«Не знаю, согласишься ли ты со мной в этом?» – снова повторил Ширинбек.

И русский религиозный мыслитель-утопист Николай Фёдоров, учёный и философ, согласился с престарелым горцем, который не получил никакого образования, но в мудрости мог поспорить с лучшими умами своего времени.

Ещё год пробыл Николай Фёдоров на Памире вместе со своим учеником Сергеем Петерсоном. Но теперь он уже не стремился отыскать могилы библейских первооткрывателей и праведников. Он побывал в красивейших местах Горного Бадахшана, сохранивших первозданность и нетронутость их человеком, и уверился, что это, действительно, остатки бывшего Эдема. Николай Фёдоров углубился в этнографию Памира и записывал всё удивительное, что случалось видеть и слышать. Удивляла архитектура жилищ горцев, их дома в точности повторяли мифическое мироустройство. Потолок представлял собой семь небесных сфер, окно располагалось на потолке. И опирался он на семь деревянных колонн, символизирующих собой незыбленность мироздания.

Посмотрел Николай Фёдоров и знаменитую гору Кухи лал (Гора лалов), где добывали лалы или благородную шпинель. Отвесная каменная стена высотой в пятьсот метров была вся в отверстиях глубоких штолен. Горцы пробивали их точно к гнёздам драгоценных камней, но как они угадывали их скопления, об этом не говорили. Отделялись словами, что это секрет, доставшийся им от предков.

Много удивительного посмотрел Николай Фёдоров на Памире, воочию убедился в его уникальности и пришёл к выводу, что это и впрямь святая земля. А раз так, следует оберегать Горный Бадахшан, не допускать, чтобы на его территории происходили разрушительные войны, и не вмешиваться в мерный ток событий, осуществляемых самим Всевышним. Всё-таки Фёдоров был религиозным мыслителем и не мог по-иному истолковывать бытие далёкого края. И он согласился с тем, что не стоит отыскивать места захоронения Первочеловека и праведников, чтобы не нарушать покой их душ.

Вернувшись в Петербург, учёный выступил с отчётом о своей поездке на Памир в Обществе религиозных мыслителей-утопистов.

«Будучи оторванными от реальной жизни далёких окраин, мы руководствуемся больше своими измышлениями, нежели реальностью того, что там происходит. Мы наивно полагали, что можно отыскать могилы Адама, Евы и Ноя. О том, что они, действительно, были на Памире, свидетельствуют языки горцев. Одам у них означает человек, Биби Хавво – Ева, Биби Марьям – Дева Мария, Исои Масех – Иисус Христос, Нух – Ной. Но указать места их захоронений памирцы не могли, и это вполне понятно. В Библии говорится, что прошло шесть тысячелетий со дня сотворения мира. Но в те времена летоисчисление было иным, и тысяча значила миллионы. Таким образом, время сотворения мира в Библии соответствует тем срокам образования Земли, которые установили учёные. За этот невообразимо долгий геологический период равнинный ландшафт Памира с благодатным климатом стал «Крышей мира» с высочайшими хребтами, море Тетис ушло, и от прежнего райского великолепия остались лишь редкие островки. Разве могли в ходе таких превращений сохраниться могилы наших святых и праведников? Конечно, нет, но горцы бережно хранят в памяти их имена, и одно это значит для нас многое.

Действительно, утопией выглядят наши проекты всеобщего воскрешения умерших «Отцов», как мы именуем перволюдей и праведников, и о преодолении смерти средствами современной науки. Всё это не сделал сам Бог, а мы в своей самоуверенности пытаемся соперничать с ним. Побывав на Памире, я понял, что не следует вмешиваться в естественный ход событий, Вседержитель и мудрая природа обойдутся без наших ни на чём не основанных измышлений. Современная наука не настолько всемогуща, чтобы одолеть смерть, дай, как говорится, Бог ей справиться с людскими болезнями и предоставить человеку возможность прожить определённый ему срок...»

Речь Николая Фёдорова в Обществе религиозных мыслителей-утопистов была выслушана в глубоком молчании. Губы его основателя Ленормана кривились в иронической усмешке.

«Однако, вы здорово преуспели в своём скепсисе. Уезжали вы с совершенно иными убеждениями. Неужели необразованные горцы так смогли повлиять на вас?»

«Эти необразованные горцы в понимании жизни и со своей самобытной философией во

многим мудрее нас, - отпарировал Николай Фёдоров. - Не грех нам, цивилизованным хомо сапиенс поучиться у них. Я, по крайней мере, это сделал, и мои прежние убеждения кажутся мне рассуждениями несмышленного ребёнка».

«Но вы понимаете, что с такими взглядами вы не можете больше оставаться членом нашего Общества мыслителей-утопистов?» - осведомился Ленорман.

«Не только понимаю, но и заявляю о выходе из Общества», - ответил Николай Фёдоров. Больше он не поддерживал никаких связей со своими прежними единомышленниками. Занялся преподавательской работой, читал лекции в Петербургском университете о возникновении мировых религий и их взаимосвязи, о самобытности народов, находящихся в условиях природной изоляции, на примере горцев «Крыши мира».

На основе собранных материалов Николая Фёдорова, известный географ и историк народов Средней Азии Михаил Лавров написал книгу о происхождении арийцев и изначальных местах их пребывания. В ней говорилось: «Согласно древних источников из зороастрийской «Авесты» и преданий самих ариев, все нынешние европейские народы вышли из Памира. Это первая ветвь. Вторая ветвь - это индийцы, третья - иранцы, и четвёртая ветвь - сами таджики».

Николай Фёдоров тоже начал писать книгу о своём пребывании на Памире, но не успел завершить её. Он умер в 1903 году, в возрасте 75 лет.

Своим примером Николай Фёдоров показал, что достоинство каждого учёного не только в глубине его познаний, но ещё и в том, что под влиянием неопровержимых фактов, он способен менять свои прежние взгляды и, тем самым, расширять горизонты объективно верной науки.

[Леонид ЧИГРИН \(Таджикистан\)](#) - 18 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/05/v-poiskah-edema>